МОДАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ФАКТУАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются средства реализации модального значения «субъективной фактуальности» в английском языке на примере структур с глаголами мнения (I thought that...). Субъективная фактуальность представлена как языковая концептуализация интеракциональности и ситуативной обусловленности когнитивных процессов. Анализ примеров показывает, что фактивность является градуально реализуемым, ситуативно и дискурсивно обусловленным семантическим признаком языкового высказывания.

T. Klepikova

MODALITY OF SUBJECTIVE FACTUALITY

The article explores linguistic structures actualising the modal meaning of subjective factuality represented by syntactic structures with the verbs of opinion ("I thought that..."). Subjective factuality is defined as linguistic conceptualisation of interactional characteristics of situated cognition. The analysis provides evidence that factivity is a situationally predetermined, gradually realised semantic parameter of a linguistic utterance.

В современных нейробиологических и психологических концепциях высказывается мысль о диалогичности сознания (и мозга)¹, интеракциональности когнитивных процессов, ситуативной обусловленности когниции², взаимосвязи психических состояний с ситуативностью смысловых процес*сов*³. Диалогичность сознания предполагает активное взаимодействие когнитивного субъекта и среды. Это выражается, в частности, в ситуативной обусловленности отношений «смысл-состояние». В основе данного тезиса лежит предположение о том, что смысловая организация сознания обусловливает избирательность влияния ситуаций жизнедеятельности и их содержания на субъект. Ситуация как бы «преломляется», опосредуется смысловыми структурами, в ней выделяются значимые составляющие, имеющие смысл для субъекта. Отражением этой детерминации являются психические состояния. В психологический механизм, обусловливающий детерминацию состояний, входят изменения субъективного отношения к ситуации и ее содержанию, трансформация образа и ее составляющих, актуализация смыслов и переживаний и др.

Интерпретационность восприятия лежит в основании языковой категории модальности, прежде всего субъективной эпистемической модальности. Прототипический принцип формирования и функционирования языковых категорий позволяет говорить о существовании определенных пограничных (или периферийных) случа-

ях реализации эпистемических значений. К таким случаям мы относим модальное значение субъективной фактуальности, тесно связанное с языковой объективацией таких свойств сознания, как диалогичность и ситуативная обусловленность.

С этой точки зрения модальное значение *субъективной фактивности* (subjective factuality) или «*приостановленной/снятой фактуальности*» (suspended present factuality — в терминах Р. Деклерка и С. Рид)⁴ можно назвать языковой концептуализаций ситуативной обусловленности когнитивных процессов. В английском языке такое значение выражается формой прошедшего времени глагола *think* — *I thought*. Рассмотрим пример:

'Let me introduce you to my wife,' - 'Oh, I thought you weren't married'.

Высказывание пресуппозирует субъективную (для говорящего) истинность некоторой пропозиции («собеседник не женат»), выражающей прошлое положение дел. В то же время актуализируется несоответствие прошлого представления реальному положению дел в настоящем, поскольку субъективная истинность пропозиции снимается в настоящем при возникновении некоторых новых обстоятельств («Я хочу представить тебя своей жене»). Тем самым говорящий сообщает, что более он не придерживается такого мнения. Таким образом, для реализации значения «субъетивной фактуальности» необходима актуализация двух эпистемических состояний говорящего: а) признание говорящим истинности некоторой пропозиции в прошлом и б) приостановление (снятие) истинности данной пропозиции в настоящем. Обнаруживаемое изменение когнитивного статуса субъекта квалифицируется как ситуативно зависимое, возникающие под воздействием вновь открывающихся обстоятельств.

Ограничениями на актуализацию данного значения являются форма прошедшего времени глагола и форма выражения субъекта — субъект должен быть кореферентен говорящему. В английском языке

субъект когнитивного предиката чаще всего выражает лицо, функционирующее в качестве экспериенцера ментального состояния, концептуализатора ментального пространства (в терминах У. Крофта – point of reference for a mental space)⁵. В то же время в высказываниях с предикатами ментального состояния функцию концептуализатора выполняет и говорящий - представляя ситуацию в определенном модусном ключе. В связи с этим представляется необходимым ввести понятие логофоричес*кого субъекта* — т. е. лица, чье ментальное (эмоциональное) состояние или содержание речи представлено в предложении, и который может быть либо кореферентен, либо некореферентен говорящему. В концепции П. Селлза, предложившего описание феномена логофоричности с точки зрения структуры репрезентации дискурса, говорящий и логофорический субъект получают статус минимальных дискурсивных **ролей** (primitive 'roles' in discourse). Дискурсивная роль говорящего определяется как 'источник' (source) сообщения, интенциональный агенс коммуникации. Дискурсивная роль логофорического субъекта определяется как лицо, содержание сознания которого становится содержанием сообщения (whose 'mind' is being reported), чье ментальное состояние или отношение описывается зависимой пропозицией⁶.

В анализируемых структурах со значением «приостановленной фактуальности» логофорический субъект должен быть кореферентен говорящему — в форме местоимения первого лица ед. ч. Если логофорический субъект некореферентен говорящему (при выражении формой третьего лица), значения «приостановленной фактуальности» не обнаруживается, что можно продемонстрировать на следующем примере:

What is Cheril doing here in Croydon? Her father thought she was in London.

Высказывание не предполагает, что сейчас у отца Черил другое мнение по поводу ее местонахождения — может быть,

что он вообще не знает о ее пребывании в Кройдоне.

Таким образом, «приостановленная фактуальность» имплицирует «контрафактивность настоящего положения дел», т. е. представляет собой способ разрешения некоторого рассогласования между представлением о положении дел, которое сформировалось у говорящего в прошлом и которое аннулируется некоторыми новыми данными, видоизменяющими точку зрения говорящего. Такого рода шифтирование мнений и есть отражение ситуационной когниции, ситуационной обусловленности когнитивных состояний. Соответственно, важным компонентом дискурса должна стать информация, объясняющая такого рода сдвиг в точке зрения. Р. Деклерк и С. Рид приводят следующий пример диа-

Barbara: Mum, can you come and pick us up from the concert?

Mum: Isn't Kate with you?/Wasn't Kate going to drive you home?/ I thought Kate was driving you home.

Barbara: Yes, but she's drunk too much to drive.

Ответ в виде односложного « Yes» неприемлем с прагматической точки зрения, что нарушило бы когерентность дискурса. На любой из трех вариантов реплик матери Барбара должна привести аргументы, «восполняющие» пробел между предыдущим знанием матери (Кейт должна была отвезти их после концерта) и настоящей ситуацией (просьбой о том, чтобы их подвезли)⁷.

В связи с этим отметим, что, помимо заявления о предыдущем знании, импликации снятия фактивности, импликации контрфактивности актуального знания предыдущему, выражение с *I thought that* требует и дальнейшего развертывания дискурса — с тем, чтобы представить информацию, дающую основания для «восполнения» разрыва в когнитивных состояниях. В некоторых случаях высказывания в контексте развертываемого дискурса обнару-

живают и иные импликации. Рассмотрим следующий пример:

(She gave) a start of surprise when he asked her to dance. "I"m going for a juice," she said. «Anyway, (1) I thought that you had a partner." "What? (2) Oh, Bunte. I danced with her." "Really? (3) I thought you were teaching her calculus'.

В первой реплике со структурой *I thought* that мы обнаруживаем реализацию модального значения субъективной фактивности в прошлом (I thought that you had a partner) и ситуационно обусловленное «снятие» фактивности (he asked her to dance). Согласно формирующейся у собеседников ментальной модели дискурса, следующей репликой должно стать разъяснение причин «снятия» фактивности - что и делает молодой человек: Oh, Bunte. I danced with her. Однако данное разъяснение является коммуникативно неудачным, поскольку структура Ithought that использовалась девушкой в качестве провокационного, почти инвективного речевого акта и требовала иного разъяснения: почему он танцевал с другой. Неудачный речевой ход провоцирует еще одну реплику с выражением I thought (Ithought you were teaching her calculus). Собеседница представляет в виде истинной в прошлом пропозиции заведомо ложное утверждение: «Я полагала, что ты обучаешь ее математике». Ложная пропозиция отражает не субъективно-истинностный мир говорящего, а игровой: структура I thought (that) интерпретируется как средство выражения иронии.

Иногда контрфактивные импликации выводятся из фоновых знаний говорящего и слушающего, как, например, в следующем отрывке:

In my other capacity as head of Merill Lynch, I opened an office in Tehran ... during the 70s ... and I thought that that country had quite a future⁹.

Контрфактивный смысл, противоположный прежней точке зрения, формируется на основе фоновых знаний — всем известно, что происходило в Иране после

спокойных и «многообещающих» (согласно субъективному истинностному миру говорящего и, очевидно, не только его одного) 1970-х гг.

Контрфактивная ситуация может быть пояснена самим говорящим:

It was circumstantial. I couldn't afford my house in London any more, so I decided to try to buy a house in the country. I bought this bloody awful place. I thought that it was made of stone, but to my horror I discovered it was made of cement blocks.⁶⁰

В данном примере дама, купившая дом и полагавшая, что он из камня, к своему ужасу обнаруживает (и сообщает об этом), что он построен из цементных блоков!

Сообщения о мыслях в прошлом могут быть и не окрашенными модальностью контрфактивности, а представлять собой субъективное мнение, которого автор придерживается и в настоящем, что иллюстрируется следующим примером:

Yet I had met Margot and Allan in 1984 and had got on well with them. I thought that he lacked confidence, that for a person who had achieved what he had the composure wasn't there. Allan should, I feel, have been more ambassadorial for the sport. He should have raced a lot more¹¹.

Говорящий полагает, что Алану не хватало уверенности в себе, и своего мнения автор не изменил и в настоящем.

Аналогично интерпретируется и следующий отрывок:

(to check) whether she was understanding what she read, I asked, «Does that happen at your school?» She looked quite shocked and replied, «Oh no! It's Mrs Thomas.» I thought that was very significant: you may cheek a dinner lady, but you don't do so to someone you know and respect¹².

Содержание мнения в данном примере является элементом системы ценностей говорящего, что раскрывается далее содержанием сентенционального комплемента.

Интересные вариации на тему модальности «приостановленной фактуальности» и мнения обнаруживает следующий отрывок: I considered your article on the response to the BBC's advertisement for a science correspondent (Forum. 3 March, p 605) to be in very bad taste. I thought that job applications were meant to be treated in confidence. Is it a new editorial policy that New Scientist will investigate the number and source of replies to advertisements within its pages and then print snide remarks about why the unsuccessful candidates were rejected?¹³

Ситуация в настоящем (раскрытие конфиденциальной информации, содержащейся в заявлениях о приеме на работу) противоречит точке зрения говорящего, что такого быть не должно. Однако форма прошедшего времени thought не сигнализирует об изменении точки зрения автора. Более того, ирония, содержащаяся в словах ('Is it a new editorial policy ...' — 'это новая политика редакции...?'), говорит о том, что автор настаивает на своем мнении «Так быть не должно!». Скорее, данная форма выбрана автором для того, чтобы подчеркнуть социальную неприемлемость политики редколлегии.

Проведенный в рамках исследования анализ корпуса примеров с привлечением электронного банка данных (British National Corpus) позволил выявить и другие глаголы, способные актуализировать значение «приостановленной фактуальности» (как в структурах с сентенциональным комплементом, так и с неличными формами глагола), а именно:

- 1) когнитивы assume, suppose, be convinced: 'Isn't that Tom over there?' 'I thought/assumed/supposed/was convinced he was abroad. But you might be right'.
- 2) глаголы намерения want, intend, mean: I intended/wanted/meant to be in Tokio today, but I missed my plane yesterday.
- 3) а также *hope*, *expect*, которые могут реализовать и когнитивное, и эмотивно-когнитивное значение: *I didn't expect to find you here!*

Сопоставляя эпистемическое модальное значение субъективной фактуальности с известным в лингвистике феноменом фактивности, отметим, что анализируемое значение субъективной фактивности несвойственно прототипическим фактивным глаголам, пресуппозицирующих истинность вводимой ими пропозиции. Так, предложение: *I knew he wasn't to be trusted (Я знал, что ему нельзя доверять)* не может быть интерпретировано как означающее «*Теперь я не знаю, что ему нельзя доверять»*, хотя *I thought he wasn't to be trusted (Я думал, что ему нельзя доверять)* может быть интерпретировано как «*Теперь я не думаю, что ему нельзя доверять»*.

Таким образом, логофорический субъект глагола *thought* (при его кореференции субъекту речи) способен «переключать» системы координат истинностной оценки, а логофорический субъект фактивного глагола — нет.

Приведенные выше рассуждения могут стать основанием для разграничения глаголов мнения и знания относительно типов концептуализируемых событий: мнения приближаются к ментальным действиям (activities), а знание представляет собой достижение (achievement) (по 3. Вендлеру). Для мнения не предусматривается некоторый конечный пункт — мнение можно «приостановить», изменив его. Для знания дальнейшее развитие «события» невозможно — оно возникает и сохраняется в неизменном виде.

Подводя итог рассмотрению актуализации формой прошедшего времени *thought* модальности «приостановленной факту-

альности» с импликацией контрфактивности, отметим, что в формировании подобного смысла участвуют следующие смыслопорождающие операторы:

- а) семантика глагола (мнение, эмоциональное отношение);
  - б) форма прошедшего времени глагола;
- в) форма субъекта главного предложения (первое лицо, ед. ч.);
- г) контрфактивный контекст, «снимающий» субъективную фактуальность логофорического субъекта.

Важным выводом является и подтверждение относительности понятия фактивности – фактивность в данном случае реализуется как соответствие некоторого положения дел ментальному истинностному миру логофорического субъекта и является дискурсивно обусловленным феноменом¹⁴. Дискурсивная обусловленность языкового феномена фактивности является закономерным отражением концептуальных конфигураций в сознании говорящего (и мыслящего) субъекта: психические состояния (в иной терминологии - ментальные, когнитивные состояния) являются ситуативно зависимыми, предетерминируются ситуацией. Прототипический принцип языковой категоризации, разграничивающий ядерные (прототипические) и периферийные элементы категории, позволяет заявить о наличии в поле модальности специфического значения, регулярно выражаемого структурой «глагол мнения в прошедшем времени + объектное придаточное».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Linell P.* Dialogicality in languages, minds and brains: is there a convergence between dialogism and neuro-biology? // Language Sciences. 2007. doi:10.1016/j.langsci.2007.01.001.
- ² Andler D. Context: the case for a principled epistemic particularization // Journal of Pragmatics. 2003. Vol. 35. P. 349–371.
- ³ *Прохоров А.О.* Рефлексивный слой психического состояния // Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. В. Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2006. Вып. 1. С. 186—203.
- ⁴ Declerck R., Reed S. What is modal about I thought that ...? // English Language and Linguistics. 2005. Vol. 9. N 2. P. 311–332.
- ⁵ *Croft W.* A Conceptual framework for grammatical categories (or, a taxonomy of propositional acts) // Journal of Semantics. 1990. Vol. 7. P. 275.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- ⁶ Sells P. Aspects of Logophoricity // Linguistic Inquiry 1987. Vol. 18. N 3. P. 445, 455–457.
- ⁷ Declerck R., Reed S. Op. cit. − Vol. 9. − N 2. − P. 318.
- ⁸ Carter P. Bury the dead. Oxford: OUP, 1986. P. 57.
- ⁹ Wroe A. Lives, lies and the Iran-Contra affair. London: Tauris & Company Ltd, 1991. P. 112.
- ¹⁰ British National Corpus: unit BMD.
- ¹¹ British National Corpus: unit BMM.
- ¹² British National Corpus: unit B1Y.
- ¹³ British National Corpus: unit B7L.
- ¹⁴ *Клепикова Т. А.* Ономасиологическая функция имен абстрактных объектов // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. СПб., 2007. № 9 (50). С. 44—50.